

ЛЮДМИЛА РАЗУМОВСКАЯ

Драматург

Родилась в 1946 году в Риге. Закончила Ленинградский театральный в 1974 (театроведческий факультет) и Высшие Театральные Курсы в Москве в 1979. Дебютировала как драматург пьесой «Дорогая Елена Сергеевна» в 1981 году. Пьеса получила большой резонанс в России (где она была запрещена с 1983 по 1986 годы), а впоследствии и за рубежом. По этой же пьесе в 1987 году режиссером Э. Рязановым был снят фильм с одноименным названием. В 1989 — Иосиф Хейфец снял свой последний фильм «Бродячий автобус» по сценарию Л. Разумовской. В 90-е годы наибольшую популярность в России завоевали пьесы «Ваша сестра и пленница», «Владимирская площадь», комедия «Бесприданник». В 2000-е годы больше ставится в Германии, Швейцарии, Югославии, Греции, Финляндии, в Прибалтийских странах (пьесы «Домой», «Конец восьмидесятых», «Житие Юры Курочкина и его ближних», «Французские страсти на подмосковной даче»). Лауреат двух петербургских премий: «Северная Пальмира» (1996) и «Петрополь» (2004). В издательстве «Алетейя» в 2009 вышел первый роман «Русский остаток».

РУССКИЙ ОСТАТОК

Фрагмент романа

1

Под самый новый 1995 год началась первая чеченская кампания — неожиданный и равно неподготовленный «праздничный» штурм бывшего русского города Грозный. Говорили, военные хотели сделать подарок тогдашнему министру обороны, чье рождение как раз приходилось на первое января. Эффект, однако, вышел прямо противоположный — шапкозакидательства не получилось. К середине девяностых армия оказалась уже достаточно разгромленной усилиями перестройщиков, чтобы вот так, с кондачка, победить сильного, мужественного противника, которому по разгильдяйству, недомыслию или, наоборот, с умыслом оставлено было огромное количество самой передовой военной техники и оружия.

В оказавшейся к тому времени без финансирования, сокращенной в два раза армии (сокращение коснулось в основном боевых частей) не оказалось ни одной развернутой по полному штату, высокообученной, материально укомплектованной дивизии. Главной проблемой армии, как и всего народа, стала проблема: как выжить? Как выжить в условиях, когда офицерам по многу месяцев не платят зарплаты, когда недоедают солдаты, когда не поступает на вооружение новая техника, когда отсутствует призывной контингент, когда идет несмолкаемая травля армии в печати и всех прочих средствах массовой коммуникации?

Уже разучившиеся и еще не научившиеся воевать, брошенные на подавление мятежной республики военные приобретали боевой опыт, как и прежде, ценой больших и бессмысленных потерь. Особой ответственности за эти потери ни военное начальство, ни тем более высшие власти страны не несли.

Добровольцев, в числе которых оказался и Алексей Мельников, без предварительной подготовки, прямо из военкоматов, отправляли в район боевых действий, где они либо становились «пушечным мясом», либо захватывались в плен и продавались в рабство.

Но кто же шел добровольцем? Кому охота была погибать за сомнительные идеалы перестройки, то есть нового олигархического переустройства страны, в которой им-то уж, добровольцам, никак не светило место под солнцем, которые и годились разве что на удобрение того самого черного передела? Да и патриотизм тогда был исключительно ругательным словом, и иначе как в сочетании с «прибежищем негодяев» его и не употребляли. И сочувствие было целиком на стороне «свободолюбивого чеченского народа» (патриотизм которому, в отличие от русских, дозволялся и приветствовался). И все-таки добровольцы были.

Одни в свои глупые восемнадцать лет верили, что им говорили отцы-командиры. И про демократию с конституцией, которые надо защищать (про единую-неделимую, отдав треть страны, говорить было бы уже странно, но все равно, «целостность» Эрэфии тоже, вроде бы, нуждалась в защите). Верили, что уж там, на войне, избавятся, наконец, от дедовщины, что и братства будет побольше, и каша погуще, и служба покороче. А были, как и везде, идеалисты, романтики, те, что жаждали «упоения в бою и бездны мрачной на краю», предпочитая им всякие иные упоения и наслаждения. Ну, а были, вероятно, и те, для кого это опасное приключение — война, несмотря на ее исход, могла стать самым ярким событием серой их жизни, где все равно, хочешь или не хочешь, а никуда не деться тебе от водки или наркотиков в предсказуемом будущем. Когда закрываются школы, и дома культуры, и заводы, когда не вспахиваются поля, зато открываются повсюду водочные ларьки и наркопритоны, когда и при очень большом желании и способностях бесплатно не поступить в вуз и не поставить солдату-инвалиду протез; а откуда же мамке взять денег, когда не то что откупить из армии единственного сыночка, а и просто покушать порой... и так далее, всем известное; и что уж говорить о литературе, давно утратившей жаление маленького человека — скучное и непрестижное.

Государства не зря призывают служить в армию юнцов. У молодых и иллюзий больше, и страха меньше. Молодые еще не настолько успели привыкаться к жизни, чтобы чувство опасности перевешивало безрассудство. Неиспорченный восемнадцатилетний юноша ближе к ребенку и, стало быть, к ангелу; ему и ружье в руки, ему и пулю в живот.

Алексей не участвовал в штурме Грозного. Он не знал, что наших молокососов-солдат было вдвое меньше, чем до зубов вооруженных, хорошо обученных и подготовленных боевиков, защищавших город, он не знал, что радиосвязь в подразделениях была почти сразу же потеряна и что у командиров не было даже карты города. Он не видел, как по классической схеме наносился удар по головной и замыкающей машинам, а после шквальным огнем уничтожалась запертая в узких проходах бронетехника и в упор из нависающих над улицами домов расстреливалась пехота. Он не видел, как оставались гнить не убранные после боя трупы наших солдат, с

обглоданными голодными ночными псами конечностями. Он не видел знаменитого боя на площади «Минутка», когда вышедшие на штурм Президентского дворца мальчишки внезапно остолбенели, невольно опустив автоматы, — в каждом окне висел распятый умиравший раненый или умерший уже русский солдат или офицер со вставленным в рот отрезанным половым органом... И, прикрываясь этими живыми и мертвыми телами как щитом, чеченские боевики, смеясь, отстреливали как мечущихся зайцев тех, кто с мечом пришел на их землю, — в город Грозный, основанный русскими казаками...

2

Алексея и еще двоих срочников, прикованных друг к другу цепью, вот уже пятый месяц держали в глубокой яме, изредка бросая им черствый хлеб и спуская на веревке воду. Здесь же испражнялись, здесь же на голой земле спали. Чеченцы предлагали сообщить родителям о выкупе — рыночная стоимость простого солдата начиналась от пятидесяти тысяч долларов. Все трое отказались. Один из них был сирота, у другого — одна безмужняя мать в вымирающей Новгородчине. Алексей тоже отказался. Он знал, ни у матери, ни у Юры таких денег нет, но знал он и другое: оба они разбились бы в лепешку, но ради его спасения деньги бы достали. Он себе просто не представлял, какими глазами он посмотрел бы на двоих своих товарищей, остающихся здесь на мучения или смерть, если его одного вывели бы на свободу.

Однажды утром они увидели склонившихся к ним над ямой двух молодых бородачей.

— Давай, русский, вылезай! — закричал один, бросая в яму веревочную лестницу. — Резать барашка будем! — он белозубо засмеялся, сверкнув черным глазом, второй был перевязан бинтом.

Мальчики заволновались. Что это? Куда их? Зачем? Что с ними сделают?.. Они ждали какой-нибудь перемены каждый день, но дни шли за днями, и они устали ждать, устали надеяться на чудо, потому что только чудо могло их спасти. Теперь, наоборот, эта неожиданная перемена вселяла страх, и они, как овцы, странно жались к краям своей ямы-тюрьмы, словно ища в ней защиты от неведомой и, возможно, еще более страшной судьбы.

— Вы чего там, подошли? — закричал одноглазый и пальнул из автомата в яму, мимо вжавшихся в земляную стену солдат.

Мальчики зашевелились, гремя цепью. Первым полез Сашка из Новгородчины. За ним Вовка-сирота, последним — Алексей.

От яркого солнца и свежего воздуха слепило в глазах, кружилась голова. Ноги подкашивались, хотелось упасть в траву и просто лежать — час, два, без времени, ни о чем не думая, ощущая всем измученным существом благодать по капельке возвращающейся жизни, вдыхая аромат утренней свежести, еще не настоявшейся дневным зноем.

Лежать им никто не дал, лежать могли в волчьей своей яме сколько душе угодно, а сейчас будет им показательная казнь, после чего и вообще они останутся навсегда гнить, удобрять нашу землю. Аллах Акбар!

— Что? Что? Что он сказал? — Сашка завертелся волчком, заглядывая в глаза своим соузникам и не находя ответа, переметываясь к чеченцам, цепляясь за их колючие, жесткие, злобно-насмешливые взгляды. Но те не обращали на них, казалось, никакого внимания, о чем-то переговариваясь на своем гортанном птичьем наречии. Их было человек десять-двенадцать, все худые, сильные, бородатые, цветущие и, пожалуй, красивые, если бы не наглая усмешливая жестокость, сквозившая в каждом их жесте, повороте головы, прищуре глаз, стоило им едва коснуться зрением пленников. Один из них был с видеокамерой. Он о чем-то с презрительной усмешкой долго говорил, показывая глазами в сторону жалкой кучкой стоявших русских солдат.

«Сейчас будут убивать и снимать на пленку, — промелькнуло в холодеющем сознании Алексея. — А как же мама?..»

Сашка по-прежнему изнывал и метался душой от предчувствия чего-то неотвратимо ужасного, чего он не мог или не хотел обозначить словами, чтобы не завывать диким, волчьим, безнадежным воем. Он не стоял на месте, но все переминался с ноги на ногу, озираясь невидящим блуждающим взглядом по сторонам, словно готовясь к бессмысленному прыжку в побег. И только еще сильнее ужавшийся в размерах маленький рахитичный солдатик Вовка Пупцов по прозвищу «Пуп» стоял с отрешенным видом, уже как бы и не присутствуя в этом мире.

По-прежнему связанных за ноги одной цепью, отвыкших от ходьбы, спотыкающихся на каждом шагу пленных, как брейгелевских слепых, погнали вперед, подгоняя для быстроты и развлечения автоматами. Палило солнце, они не чувствовали зноя, голода, жажды, они вообще ничего не чувствовали, кроме одного — валившего их с ног и вытягивающего из живота жилы страха.

Их привели на высокую, круглую, кончавшуюся обрывом поляну и здесь сняли цепь. Боевики, о чем-то переговариваясь, казалось, были заняты выяснениями каких-то своих проблем. Сашка, поведя вокруг дикими глазами, вдруг резко рванул к обрыву и прыгнул вниз. Мгновенно раздалась автоматная очередь и почти одновременно Сашкин крик — двое чеченцев прыгнули вслед за ним и через пару минут приволокли раненого Сашку, бросили на землю, пиная ногами и ругаясь русским матом. У Сашки было задето бедро, скорчившись, он пытался зажать рукой рану, но, к его ужасу и изумлению, кровь быстро, не останавливаясь, продолжала сочиться сквозь пальцы. Тогда Вовка-Пуп сорвал с себя то, что когда-то было рубашкой, и попытался хоть как-то замотать Сашкину рану.

Один из боевиков направил на него автомат.

— Пошел на место, шакал!

— Он же так... может умереть, — сказал Вовка.

— Вы и так все скородохнете, — резонно возразил чеченец.

— Сейчас мы вас будем резать, как барашков, — обратился к пленным солдатам, по-видимому, командир боевиков. — Но мы даем вам шанс. Кто из вас захочет стать мусульманином и убивать с нами неверных, тому мы сохраним жизнь. А кто не захочет... — улыбаясь, он обвел глазами троих плен-

ных и, на секунду задержав взгляд на Алексее, провел рукой по горлу, давая понять, какая предстоит смерть для не пожелавших стать воином Аллаха.

— Иди сюда, — подозвал он пальцем Вовку. — Что это у тебя? — он ткнул автоматом в голую тщедушную Вовкину грудь.

— Что? — не понял Вовка.

— Вот это!

А-а... Господи, он совсем забыл про него, висевший на шее на простом шнурке крест. Этот крест Вовке надел священник, приезжавший к ним в часть и крестивший всех желающих солдат и даже офицеров. Желающих было много, и Вовка тоже. Они не слишком вдавались в подробности веры, даже не вдавались совсем, просто на войне это как-то было надежнее, что ли, крест на груди давал ощущение какой-то, что ли, защиты. Да и потом... чем они хуже мусульман? Те — все это знали — свято соблюдали свой намаз, даже и во время боя, а они — что же, совсем, выходят, безбожники?..

— Сними! — приказал главный.

Вовкины руки послушно потянулись к шее, потом замедлили движение и опустились вниз.

— Ну? Чего ждешь? Или тебе помочь?

— З-зачем? Снять? — словно еще не понимая, тупо спросил Вовка.

— Жить хочешь — сними, — терпеливо объяснил главный.

Вовка снова потянулся к кресту и, впервые прямо посмотрев белесыми своими глазами в страшные очи чеченца, опустил руки. Нет, ему не объяснить, отчего он не послушался всемогущего главаря боевиков. Еще бы ему, девятнадцатилетнему пацану, ничего не выдавшему хорошего в жизни, отказнику с рождения, не вылезавшему в детстве из больницы, из детского дома да напрямик в армию, — не хотеть жить! И что ему этот недавно надетый на него крест! Он и не понял толком ничего из того, что бормотал священник, свершая это, как он объяснял им потом, спасительное «таинство», которое, вот, ни от чего, оказывается, его не спасало! Но руки, руки не поднимались снять крест, и он ничего не мог с ними поделать.

— Значит, не хочешь жить, — констатировал главный.

Где он его видел? Эти глаза, этот голос, это лицо... где-то он его видел... — силится и не мог вспомнить Алексей.

А Вовка продолжал молчать. Молчал главный. Молчали боевики.

И это молчание должно было чем-то разрешиться.

Даже Сашка, забыв про свою рану, дико уставился на «Пупа», не понимая, чего он стоит столбом, ведь он же видит, у тех коротка расправа.

«Ну, сними ты! Чего ты ждешь? Сними!» — посылал ему флюиды Алексей. У него тоже был крестик, от мамы, и он тайком его сейчас, чтобы никто не заметил, заблаговременно снял и положил в карман брюк, чтоб этот... с разбойничьей рожей не прицепился к нему из-за креста, как к Вовке.

Наконец, главному надоела вся эта театральная прелюдия, и он махнул рукой. От группы чеченцев отделился здоровяк, заросший до глаз черной бородой, и подошел к Вовке. А другой, с видеокамерой, вскинул ее на плечо, готовясь снимать «кино».

Тот, кто подошел к Вовке, чуть не вдвое выше его, легко бросил его навзничь.

— Становись на четвереньки, башку на землю, — негромко приказал он, доставая огромный тесак. Вовка попытался встать, но чеченец снова уложил его одной рукой, прижимая его к земле лицом вниз, и, сев рядом на корточки, приложил, примериваясь, нож к Вовкиной шее, острием вниз.

Вовка замер, потом, пожившись, стал быстро отодвигаться на четвереньках назад.

Боевики засмеялись. Тот, который был с ножом, его звали Арби, тоже улыбнулся. Отчего бы не повеселить товарищей? Он в два шага достиг беглеца и, схватив его за отросшие светлые волосы, снова пригнул голову к земле. Вовка опять дернулся, и Арби, довольный, что доставляет зрителям развлечение, слегка отпустив волосы, дал ему возможность снова немного попятиться.

— Смотри-ка, не хочет! — хохотали зрители. — Держи крепче эту русскую свинью, Арби, не то убежит!

Арби еще некоторое время, к удовольствию товарищей, позабавлялся с жертвой, пока ему не надоела эта возня и он уже всерьез, усевшись на хлипкую Вовкину спину верхом, стал сосредоточенно отпиливать ему голову.

Боевики затихли, с интересом оценивая мастерство резчика голов.

Стрекотала камера. И только тупой звук ножа, перерезавшего хрящи и жилы Вовкиной шеи, вторил ей, нарушая сосредоточенную тишину величественных и прекрасных Кавказских гор.

Сашку выворачивало наизнанку.

Земля поплыла у Алексея перед глазами. «Господи, спаси меня!» — он зажмурился и, на мгновение потеряв сознание, упал.

Когда он очнулся, Арби уже заканчивал свою работу. Подняв за волосы отрезанную Вовкину голову и повертев ее перед камерой, он отбросил ее на несколько шагов прочь.

— Кто следующий? — спросил главный, переводя взгляд с Сашки на Алексея. — Ты! — показал он на Сашку. — Давай, Басхан, покажи, как ты умеешь резать неверных собак!

Из группы чеченцев отделился рыжеватый, светлоглазый боевик и приблизился к валявшемуся в крови и блевотине Сашке.

— Н-не над-до... — выбивали дробь Сашкины зубы.

— Что — не надо? — переспросил главный.

— М-меня не над-до...

— Почему не надо? Ты что, не русский? Сейчас тебя, потом того, последнего. А кино — вашим мамкам на память. — Он снова бросил хитровеселый взгляд на Алексея.

— Я с вами х-хочу... — сказал Сашка. Его по-прежнему колотил озноб.

— А на что ты нам, трус! — презрительно бросил главный.

— Я... что хотите... что хотите... Аллах Акбар! — судорожно выкрикнул Сашка. — Я с вами... с мусульманами!.. Только не надо... меня...

— Хорошо, — сказал главный. — Сейчас проверим. Бери нож и режь его, — указал он глазами на Алексея.

— Дай ему нож, Басхан.

Рыжий вайнах бросил свой нож Сашке.

— Ну?..

— Я... я не умею... резать... — сказал Сашка и заплакал.

— А стрелять умеешь? — усмехнулся главный. — Дай, Басхан, русскому солдату оружие. Пусть нам покажет, как он умеет стрелять неверных.

Басхан недоверчиво посмотрел на командира.

— Делай, что говорят, — приказал тот.

Басхан положил рядом с Сашкой свой автомат. Остальные боевики приблизились к Сашке и взяли его под прицел.

О, как они рисковали! Сейчас Сашка возьмет автомат и всех их!.. Ну, не всех, конечно, хотя бы одного, вот этого, главного, а потом... потом его превратят в крошево, но ведь и так, и так...

Сашка вскинул пляшущий в его руках автомат и стал медленно наводить его на Алексея.

Ну, конечно, это для отвода глаз, чтобы те потеряли бдительность...

Раздалась автоматная очередь. Как в замедленной киносъемке Алексей увидел градом несущиеся на него пули. Как маленькие черные летучие мыши, они дружно рвались к Алексею бесшумной стаей, обгоняя друг друга, неся с собой смерть. Вот одна из них, самая злобная и маленькая, она летит впереди всех и тоненько, от предчувствия поживы, тошнотворно воеет, вот сейчас она вопьется ему прямо в сердце, и он перестанет жить!..

«Спаси меня, Господи!» — снова молнией пронзило Алексея. И потом: «Все, я убит!»

Но он почему-то не упал, он продолжал стоять, как живой. Он был... живой! Живой?.. Живой!!! Ай да Сашка! Он не убил его! Сашка! Друг! Брат! Молодчина! Он стрелял не в него!..

Но Сашка уже ничего не понимал, он стоял, вцепившись обеими руками в автомат, и весь сотрясаясь от какой-то нескончаемой, безумной, напавшей на него трясучки. Кровь продолжала течь из разорванного бедра, он ничего не видел и не чувствовал.

Боевики тоже гаддели и смеялись: вот так снайпер! На мыло такого снайпера.

Но командир сказал:

— перевяжите его. Он пойдет с нами. Если выживет.

И снова его беспрекословно послушались, и один из боевиков стал умело обрабатывать и перевязывать Сашкину рану.

— А с этим что? — спросили командира, показывая на Алексея.

— Господи! Господи! Господи, спаси! — пульсировало изнемогшее в ожидании смертного исхода сердце. И в третий раз какой-то другой человек в нем, не Алексей, взмолился из последней глубины измученной, сокрушенной его души: «Господи, если Ты есть, спаси! Клянусь, я буду служить Тебе всю жизнь!»

— С этим? — командир впервые так близко подошел к Алексею, что он увидел его сузившиеся в щелку зрачки, — этого отпустим на волю.

— Помни Хазабику! — прошептал он Алексею в самое ухо и засмеялся, обнажив мелкие белые зубы.

Так вот это кто! Теперь он его вспомнил! Этот хмуро-веселый взгляд, этот гортанный, с хрипотцой голос! Теперь он его, наконец, узнал! Того, кто приходил к ним в класс после этой истории с Хазабикуй и угрожал взорвать школу!.. И он глупо спросил:

— А г-где она?

— Дома. Где полагается быть чеченской женщине, — пронзительно поглядев на Алексея, сказал Магомед. — Сына нашего растит, нового борца за свободную Ичкерия! — В его словах прозвучала несокрушимая гордость, он отошел от Алексея, потом внезапно вернулся и, уже чуть не с ненавистью глядя ему в глаза, процедил:

— Запомни, русский. Можешь передать это федералам. Вы, русские, обречены. У вас нет мужчин. Ваши мужчины пьяницы и бездельники, ваши женщины — проститутки. Вы меняете жен и убиваете своих детей, у вас нет будущего. Ваш Бог отвернулся от вас, так вы ему противны. Вы все... — продолжал он, захлебываясь от презрения, — продажные шкуры. Каждого из вас можно купить, разница только в цене, кого — за миллион, кого за бутылку водки. И мы будем вас стричь, резать и убивать до тех пор, пока не останется на нашей земле ни одного русского! — Он сжал зубы до скрежета, руки его инстинктивно задвигались, и снова Алексей вспомнил эти беспокойные нервные руки, словно лежащие на невидимом автомате, тогда, в школе... — Вы ответите нам за все! — продолжал он почти в истерике. — За каждого убитого чеченского ребенка, за каждую убитую чеченскую женщину, за каждого чеченского старика! Вы заплатите нам за нашу кровь своей кровью! Но этого мало! Вы будете нам платить и платить, платить всем! Платить пожизненно! Мы заставим вас отстроить наши разрушенные города и села, восстановить нашу армию, наши заводы, школы и больницы, а взамен вы получите только нашу ненависть и наше проклятие!

Его окликнули, он отвернулся от Алексея и что-то быстро заговорил на чеченском.

— Смотри, русский, в другой раз не попадайся! — он коротко и зло оскалил зубы. — Убью!

Боевики деловито засобирались в дорогу и друг за другом, словно надевая на себя шапки-невидимки, стали бесшумно исчезать в лесу. Вместе с ними уходил, не оглядываясь, поддерживаемый рыжим Басханом Сашка.

Через несколько минут на том самом месте, где только что разыгралась кровавая драма, стояла мертвая тишина. Горы, лес, звери и птицы — все безмолвовало, словно это не на их глазах только что пролилась Авелева кровь, словно это их совсем не касалось.

Алексей долго сидел, прислушиваясь к тишине. Страх не было, наоборот, все его тело как бы расслабилось, размякло, он лег на траву и еще неизвестно сколько пролежал так безо всяких мыслей, отдавая земле только что пережитое колоссальное напряжение всех своих нервов и набираясь от нее новых, живительных сил. Потом он вдруг резко вскочил, вспомнив о Вовке.

— Вдруг он еще жив? — пронзила его дикая мысль, и он бросился к его телу, все так же тихо лежащему на месте убийства. Он старался не смотреть на линию отреза и, озираясь по сторонам, искал взглядом голову. Она лежала в десяти примерно шагах в алеющей маками весенней траве. Вовкины глаза были открыты и открыт рот.

— Наверное, ему не хватило воздуха, — подумал Алексей и попытался закрыть, но у него ничего не вышло. — Ну, ладно, Вовка, раз так тебе больше нравится, смотри, здесь, видишь, как красиво. — Он поднял голову и посмотрел вверх. — Только как же мне тебя похоронить?.. Чем я тебе выкопаю могилку, а?.. Руками, говоришь?.. Да нет, руками не получится... Погоди, Вовка, главное — спокойствие, что-нибудь придумаем, мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем, — бормотал сам с собой Алексей, прижимая к груди Вовкину голову и обозревая ландшафт.

Он немного углубился в лес и почти сразу наткнулся на хорошенькую ямку под поваленным деревом, как раз по Вовкиному росту.

— Вот здорово! — обрадовался Алексей. — Вот сюда мы тебя и определим. Здесь тебе будет хорошо. И песочек здесь мягкий. Я тебя отлично зарюю. И ветками сверху, и камнями... никакой зверь не достанет... — он опустил Вовкину голову в ямку. — Полежи пока тут, я сейчас... быстро...

Он вернулся назад за телом, попробовал приподнять, опасаясь тяжести. Вовкино тело было легкое, как пух. Словно он в последний раз хотел облегчить старания Алексея, сделать его заботу о нем как можно приятнее и проще.

Положив Вовкино тело на желтый песочек в ямку, он аккуратно приладил к нему голову и невольно залюбовался своей работой. Вовка лежал с головой во всей своей телесной целостности и красоте и смотрел открытыми глазами в небо, почти как живой.

— Да ведь он и есть живой, — вспомнил Алексей Галинины слова о бессмертии, чему он раньше не придавал никакого значения, а теперь... — Молодец ты, Вовка, и крест не снял перед этими... Не то что я... — Он порылся рукой в кармане и, нащупав свой крестик, снова повесил его на шею. — Если Бог есть, — продолжал свое «надгробное рыдание» Алексей, — тебе будет с Ним хорошо, Вовка. И ты там попроси за меня прощение... за то, что я снял... А что ты сирота и некому тебя оплакать, так я тебе обещаю... я, сколько проживу, буду о тебе помнить и... я не знаю, что мне тебе еще сказать... Ты, Вовка, настоящий... молодец... хоть этот и говорил, что мы все дряни... но ты не дрянь... ты, Вовка, герой... — слезы уже ручьем текли по лицу Алексея, и он, размазывая их грязными руками, не мог и не хотел остановить этот поток, свой плач по другу, о котором ни один человек в мире больше не заплачет и не пожалеет...

На четвертые сутки Алексей дополз до своих. Его покормили и отправили в одиночную камеру на губу. Три месяца его ежедневно водили на допрос. Самое большое подозрение у следователей вызывало то обстоятельство, что боевики добровольно отпустили Алексея. Его рассказ из школьной жизни не произвел на них никакого впечатления, «сказочке» не поверили и продолжали допытываться «правды». Через три месяца до-

просов и сидения в одиночке Алексей созрел до попытки суицида. Во время хождений к следователю он где-то подобрал осколок стекла и, сунув в карман, уже ночью попытался порезать вены. Утром его нашли в бессознательном состоянии, хотя крови вытекло не так уж много. Его положили в санчасть. И тут, наконец, он «сломался». Он попросил медсестру написать матери письмо с просьбой к нему приехать. Конечно, ему было стыдно за свою слабость, он понимал, что поступает немужественно, ища защиты у матери, что настоящий мужчина, солдат и воин, никогда бы не позволил себе прятаться под мамину юбку, но он чувствовал: продлись это «расследование» еще и после больницы, он просто не выдержит и сойдет с ума.

Галина прилетела сразу. Найдя сына в столь бедственном положении, она в тот же день отправилась к следователю, выясняя возможность закрытия дела и демобилизации сына по болезни. Следователь предложил выкуп. И тут Галина стала кричать. Она кричала так, как никогда в жизни, как могла бы кричать ее бабка. Истошно. Грубо. По-бабьи. Не выбирая слов. Она высказала все, что думает об их армии, стране, властях, коррупции, беспределе, беззаконии и тому подобном, о чем все знают и говорят, но сделать уже, по-видимому, ничего не могут. Она грозилась поднять шум, то есть прессу, написать туда и сюда, в Кремль, в газету, Страсбургский суд и прочее. Следователь молча выслушал ее сумасшедший получасовой монолог и очень посоветовал шума не поднимать, сын-то еще все-таки в армии, в горячей точке, мало ли что, а решить дело миром, то есть цену в два раза убавил, и Галина сдалась, решив, что жизнь сына дороже и пошли они все!..

После демобилизации Алексею великодушно предложили лечь в Ростовский военный госпиталь. Посоветовавшись с матерью, от госпиталя он отказался и уехал домой.